

Алитет Немтушкин

Нить жизни

Опубликовано в журнале «День и ночь» №11-12/2005

Нить жизни

В Эвенкии он известный человек, был когда-то партийным, считался—по праву!—лучшим оленеводом, за это его и славили. Ушёл на пенсию, пришли другие времена, и вот теперь я могу рассказать о нём как о шамане.

Зовут его по-русски Константином Егоровичем Гаюльским, а по-эвенкийски просто и коротко—Кутэ (произносится—Кучэ), что означает «счастливый», «удачливый».

— Это оттого, что я родился в рубашке, вот так,— Константин Егорович проводит рукой по поясу. У него выразительная жестикуляция—видимо, потому что заикается.— Старики говорили, шаманы рождались в рубашках. Унашего родового шамана Боюто, говорят, только пятки торчали наружу.

— А в чём состояло твоё счастье, удача?

— Бог знает в чём. Может, в том, что я уцелел, дожил до пенсии, а то ведь все мои сверстники «там»,— он тычет пальцем вниз.

Во времена появления на свет Гаюльского в эвенкийской тайге ещё не было больниц, тогда всех ребятишек, как шутили наши родители, находили в лесу под колодинами либо, как маленьких оленят, ловили в тундре, ломали руки-ноги и укладывали в зыбки, чтобы заживить их в суставах и чтобы потом, крепко стоя на своих ногах, мы без усталости кочевали по безбрежной матушке-тайге в поисках своего утерянного счастья.

Тогда с первого вздоха на этой Срединной земле таёжника сопровождала чудесная поэтическая сказка, объясняющая и наше появление, и всего окружающего мира.

И если ко всему сказанному добавить, что тот же Гаюльский, по нашим языческим понятиям, происходит из старинного рода людей-Лебедей (Гаивул—люди-Лебеди, при крещении их записали Гаюльскими), священных не только у нас, но и у других народов птиц, то на современного человека пахнёт такой древностью, что он вполне серьёзно может усомниться: а о каком же времени речь-то идёт, и не сказки ли и легенды хочет нам рассказать автор? Но спешу успокоить читателей и уверяю: в моём рассказе не будет выдумки. Да, на дворе конец двадцатого столетия—век космоса, век научно-технической революции, но

и век шаманов. К великому сожалению, нашему поколению о шаманах и думать-то запрещалось, а говорить разрешалось только как о шарлатанах и врагах народа.

И всё же, несмотря на всесокрушительные бури нашего века, они уцелели. И народности Севера так и не сумели совершить исторического прыжка из первобытнообщинного строя в распрекрасный социализм. А ведь как только нас не «цивилизывали!» Слово из всех интернатских ребятишек хотели сделать учителей, врачей, космонавтов! Большинство северян оказались неблагодарными, не оценили по достоинству государственные кашу и компоты и, как тот поговорочный волк, всё смотрели в лес и при первой возможности бежали в свои клятые-переклятые холодные и дымчатые чумы, по воле партийных функционеров превратившиеся в символы отсталости и дикости. И там, в оленеводческих бригадах, по вечерам у костров, вдали от глаз начальства, наспех и примитивно совершали свои древние языческие обряды и шаманские камлания.

Но не будем ханжами и откровенно скажем: не всё плохо было и в нашей сегодняшней жизни. Мы, северяне, научились понимать смысл мышинных следов, начертанных рукой человека на белой бумаге, и благодаря этому перед нами открылся огромный неведомый мир, о котором и в сказках-то наших не говорилось. А если опуститься с этого слова чуточку пониже, то разве плохо, что мы, северяне, кроме чума, как своё кровное, родное ныне воспринимаем простой деревянный дом—жилище русских людей? В нём в самые трескучие морозы тепло и уютно, одним щелчком зажигаем яркую электрическую лампочку, в домах говорят радио, а в последние годы засветились голубые экраны.

«Аяко!»—греют спины у горячих плит старики и старухи. В той же Суринде, где живёт Константин Егорович Гаюльский, прекрасно сохранившей свою национальную самобытность, старики и ребятишки всё морозное время отсиживают в тепле, а после весеннего суглана (общего собрания) и окончания учёбы почти вся Суринда перекочёвывает в тайгу старинными дедовскими тропами.

Многолюдно становится в стойбищах оленеводов. Замоглено, что с приходом весны и лета настоящий эвенк бежит из посёлка, деревянный дом ему кажется уже душным, закрывающим небо и светила над головой, и лучшим, желанным жилищем снова становится древний дедовский чум. Так что не надо сжигать чум, он тоже таким не сразу стал, его создал коллективный разум сотен поколений, он ещё нам послужит.

А Суринда, без преувеличения, посёлок что надо. Нет в Эвенкии больше таких посёлков — компактный, светлый, радующий глаз новизной домов. Ни одной развалюхи. А на самом бойком месте, на берегу одноимённой речки Суринды, что означает «сиговая», весело смотрятся окнами аккуратные домики, построенные по одному проекту, с хозяйственными пристройками, в которых живут совхозные ветераны — оленеводы и охотники. Здесь живёт и Константин Егорович. И надо добавить: улица продолжает расти, ветеранов с каждым годом становится больше. Строит совхоз, благоустраивает посёлок — и всё благодаря оленю. Старинная поговорка, что олень — это жизнь, не потеряла своей актуальности и в наши дни. Там, где исчезали олени, исчезают и эвенки, а где олени сохранились, там обеспечивается традиционная занятость таёжников, не теряется национальная самобытность, не утрачивается язык, развивается культура и люди живут достойной человеческой жизнью. Суриндинцы с оленями, их пятнадцать тысяч, потому и богачи. В прошлом году они получили чистой прибыли больше полутора миллионов рублей, да ещё открыли свой валютный счёт, что позволило им закупить в Японии телевизоры, видеомагнитофоны, кухонные комбайны, стиральные машины и другие товары на сто тысяч долларов. Оленьи панты оказались поистине золотой жилой, пятьсот долларов за килограмм! И это всё на фоне нашей всеобщей нищеты, когда некоторые хозяйства еле сводят концы с концами, сидят на шее государства...

Я пришёл в гости к Константину Егоровичу в сумерках. В комнате горел огонь, а сам хозяин сидел в кресле, уставившись в телевизор. Пока я раздевался, произносил приветственные слова, объяснял, что пришёл по очень серьёзному и деликатному разговору, в печке гулко стрельнуло полено.

— Хингкэчо! — встревоженно вскрикнула на кухне жена Гаюльского, Елена Алексеевна, которую тоже иногда называют и своим национальным именем — Лолбикта, что переводится — «водоросль».

Родилась под осень, когда водоросли всплыли, вот и получила имя. А возглас её означал, что я пришёл напрасно, огонь протестует, и Гаюльский действительно отказался говорить:

— Не могу, я сейчас беззащитен... Нельзя попусту беспокоить духов. Приходи утром, я по старой

привычке встаю рано, часов в пять в пять за ногой, топлю печь, кипячу чай... У меня сейчас много мыслей стало, делать нечего, вот и поговорим...

Утром Константин Егорович встретил меня более приветливо. Сообщил, что не спал эту ночь, готовился к разговору, который он ждал очень давно, и наконец-то это время пришло.

— Ты видел вчера луну? Какое у неё было красивое, полное лицо. Три дня будет устойчивая погода... Все мы ходим под нею, под солнцем, под звёздами. У каждого из нас есть своя звезда, под которой мы родились, она просвечивает нас своим лучом-гарпа, как рентгеном, отсюда у каждого из нас свои удачи и несчастья, свои болезни и беды, своя судьба Майн. Молодые эвенки не знают и не понимают, что для того, чтобы родиться на нашей Срединной земле, нужно и Небо. Земля и Небо — наши главные родители, а родившая тебя женщина — это мать на Земле. Ты ещё в чреве своей матери, а луна уже отсчитывает месяцы, и в положенное время у тебя появляются глаза, сердце, мозг. Рождаешься ты на свет, раскрываешь рот для первого вздоха, крика — твоя звезда пронизывает тебя своим лучом-гарпа, небесной невидимой нитью жизни. Проникнув через рот в сердце, эта нить жизни прирастает к нему, и так мы становимся связанными с Верхним миром — Угу Буга, концы которого держит в своих руках Экшерри — Верховное божество. Он хозяин всего, в том числе и наших людских судеб. Солнце же крепит эту невидимую нить, потому что без солнечных лучей никто не может выжить в нашем Срединном мире. Одна из главных забот шаманов — следить за этими нитями жизни своих сородичей. Если истончалась нить, шаман поднимал свой бубен и обращался за помощью к Экшерри, чтобы укрепить, связать концы разорванной нити... А потом шаманы уничтожили, люди стали бояться проводить родовые обряды и церемонии, отреклись от всего того, что было написано на роду, и остались без корней, стали беззащитными, и стали обрываться молодые жизни.

— Положим, умирали люди и раньше, бывали эпидемии, уносившие целые роды...

— Но раньше у нас не бывало такого, чтобы здоровый телом человек добровольно уходил в Нижний мир — Хэргу Буга. У людей не стало опоры, из нас вынули души. Нам в школах стали говорить, что только мы хозяева своих судеб Майн, что мы, люди, на Земле главнее всех, но это глубокое заблуждение. Мы всего лишь букашки, соринки Земли. Мы едины со всем этим миром, недаром нашими прародителями являются лебеди, медведи, таймени, кедр, багульники и всё, окружающее нас. Но мы задрали нос, стали нарушать законы природы, и пришёл хаос, вот и стали рваться нити жизни. Вроде бы беспричинно, но это только на первый взгляд. Мы ошибаемся, присваивая

только себе право на мысль, а всем известно, что ею проникнуто всё, ничего на свете не существует без смысла, заложенного в нём, и только так мог возникнуть наш мир. Не надо думать, что мы были тёмными, дикими людьми, это тоже глубокое заблуждение. Эвенки очень древний народ. Возможно, от китайцев пошло знание звёздного неба, может, от них мы знаем, что с самого сотворения мира разум владел миром. А теперь мы, букашки, хотим владеть этим миром. Мы уничтожаем Землю, сдирая с неё кожу, ради забавы убиваем зверей, рвём и дырявим небо. Человек, нелепо губящий свой корень, не может владеть миром. Сейчас мы начали бег к своей всеобщей смерти. Шаман знал и понимал это, он воспитывал душу человека, чтобы тот достойно прожил на земле отведённый судьбою срок. Долг человека—оставить хороший след на Земле, чтобы люди тебя вспоминали добром. Есть у нас в байкитской тайге легенда о Ховоко, умном и умелом предводителе эвенков. Он был реальным человеком, вот кому надо бы подражать нашим ребятишкам, но мы не знаем своей истории.

— А в чём, на ваш взгляд, суть и смысл жизни?
— А кто тебе сможет что-то определённое сказать? Не знаю. Вот у меня много детей, полно ребятишек и у моих братьев. Почти все уже взрослые. Сын Никита вместо меня стал бригадиром оленеводов, племянник Виктор—директор нашего совхоза, его брат Артур—заместитель председателя окр-исполкома. Все выросли достойными людьми, есть кому продолжить наш род. Смысл жизни, видимо, в том, чтобы никогда не прерывалось звено людских поколений. У всего живого таков закон. Женщина никогда не могла стать шаманкой, пока не исполнила своего главного назначения на земле—произвести на свет своё продолжение. Переставла рожать, тогда и Экшери соглашался быть её помощником в шаманских делах. За годы новой жизни мы чуть не лишились и своих женщин: одни поддались водке и вину, другие стали начальниками, некогда стало рожать. Много фамилий исчезло навсегда. Ну кто теперь из молодёжи сможет вспомнить, что в нашей байкитской тайге лет пятьдесят-шестьдесят назад кочевали эвенки родов Балигир, Кималь, Топороколи, Курисоли, Кирэктэл, Кунногиры?. Они все ушли дорогами предков, не сумев приспособиться к новому миру, к машинам.

— А вчера вечером вы кого опасались, кем не были защищены?

— Своими духами. Родовыми. Здесь, в посёлке, много людей из разных родов. У всех есть свои духи, защитники. Они носятся, кружатся в воздухе, как радиоволны, враждуют, борясь. Наши оленеводы и ребятишки в посёлке чаще болеют. Врачи это объясняют какими-то микробами, а наши шаманы говорили, что чужие духи проникли

в человека, они тоже невидимые, вот и едят внутренности человека, превращаясь в червей... Здесь, в посёлке, трудно собирать своих духов.

— А сейчас, утром, не опасно?

— Духи тоже, как люди, по утрам отдыхают. Они живут активно по вечерам и ночам, почему и шаманы выбирали эти времена для своих действий. Зря их нельзя тревожить.

— Когда вы поняли, что обладаете даром шамана?

— Ещё в детстве. Жив был мой дед, шаман Богото. Он сразу выделил меня и взял к себе на воспитание, Я должен был заменить его, шаманы не могли уходить в Нижний мир, не оставив себе замену, кто-то должен был защищать от чужих духов свой род. Я был ещё маленький, учиться не пришлось, а в тайгу пришли перемены... Бедняги, наши эвенки, не понимали даже, что такое кулак, что такое враг народа. Потом объяснили: у кого много оленей, тот кулак, а шаманы—это обманщики, значит, враги. На них уже были заготовлены списки в тузриках (тогда у нас были туземные советы). Сообщали, к какому числу все люди должны были прибыть на фактории, там и арестовывали. Бедняги сами приходили, никто за ними по тайге и не гонялся. Увозили в Байkit, затем в Подкаменную Тунгуску, но, говорят, шаманов так и не привели туда—видимо, чтобы не возиться, по дороге расстреляли. Помню, как уводили из фактории к берегу реки, чтобы плыть в Байkit, моего деда Богото. Поведут, оглянутся, а вместо него идёт учуг—ездовой олень. Он умел застилать людям глаза, сильный был шаман. Рассказывали, как однажды в устье Чуни встретили купца, плавившего в Байkit товары. На спор дед мой выиграл у него карабин. В том месте Чуня широкая, но он нырял, и все видели, как он выходил на берег на другой стороне. Там нырнул снова в воду и вынырнул на этой. Вышел из воды, а одежда сухая... И ещё один эпизод никогда не забыть. Увезли всех арестованных, а осенью произошло солнечное затмение. Солнце уже катилось к закату, и вдруг в один момент словно кто-то шторкой стал закрывать его. Наступила кромешная темнота, ничего не видно. «Конец света!»—закричали обезумевшие старики и старухи. Хоркали олени, лаяли собаки, стоял невообразимый шум. Около одного чума горел костёр, и вдруг на него с криками стали падать гуси, они кружились, кричали. Картина такая, будто наступает конец света. Страшно было, по всему телу бегали мурашки, некоторые чуть не сошли с ума. Кричащие где-то в темноте гуси воспринимались как зловещий знак огромной беды, как кара за все грехи и несправедливые дела. В ту ночь несколько оленей и телят утонуло в речке, они затоптали друг друга. А вскоре один наш эвенк, активист новых властей, помогавший арестовывать шаманов, был найден в лесу мёртвым. Его никто не убивал, причина смерти так

и осталась невыясненной, но люди говорили, что это тоже Божья кара.

— А как появился твой шаманский дар?

— Люди сразу по приметам определили, что я должен стать шаманом. Весной, когда от избытка воды вспухали все реки, всё кружилось, образовывая воронки, почему-то начинала «кружиться» и моя голова. Врачи говорили, нервный я, психически больной. Из-за этого не смог учиться в школе, выучил только буквы. Меня даже в Тинскую возили—есть такая станция в нашем крае, там находится больница для ненормальных... А потом я почувствовал, что могу лечить. Я просто лечил людей, оленей.

— Раньше бывали шаманы-жрецы, умевшие предсказывать. У вас не было такого?

— Погоду любой эвенк может предсказать. Для этого и шаманом быть не обязательно. Но мне удавалось и большее. Как-то раз пастухи мне говорят: «Нет двух оленей, двух хороших учугов». Я им говорю: «Не беспокойте волка, к вечеру они прибегут живые-здоровые, их волк гоняет». — «Откуда волк? — удивляются они. — Следов-то нет». — «Прибегут», — говорю. К вечеру раздались крики ребятишек: мол, бегут олени. И среди них те учуги. Прибежали прямо к чумам, к своим хозяевам, еле дыша, высунув языки. Потом выследили волка. Беды и несчастья я очень хорошо чувствую, могу иногда предотвратить их. И предотвращал, но только всегда при этом надо присутствовать, быть рядом. В чужих краях моя сила теряется, но предчувствие остаётся и на расстоянии. Лет пятнадцать назад, а может, чуть побольше, я, как переводчик оленеводства, ездил в Магадан. Там вдруг всё во мне заныло — места себе найти не мог. Беда дома, определил я. И точно, не стало моего друга, оленевода Виктора Ивановича Савватеева.

— А сейчас лечишь людей?

— Меня лечит, — раздался голос жены, Елены Алексеевны, из соседней комнаты.

— Она сама медик, Туринское медучилище закончила. А себе помочь не всегда может. Я помогаю — снимаю боли. И самого себя вижу насквозь, как

на рентгене, знаю, что болит и как лечить. Жалко, что этим в молодости всерьёз не занялся. Шаманы знали назначение всех трав, умели делать свои мази, лекарства. Все секреты они, к сожалению, унесли с собой. Это искусство, наверное, навсегда потеряно, не слышно больше о таких людях, но был бы рад ошибиться.

— А шаманство?

— Я об этом много думал, вот и эту ночь не спал. Раньше мне казалось, что всё наше прошлое ушло навсегда безвозвратно, но видишь, как времена повернулись. Лишь бы не запрещали, не преследовали, тогда можно сказать, что возрождение шаманства возможно, но не в посёлках, а в тайге, в стойбищах оленеводов. Надо, чтобы человек жил, соприкасаясь с природой, с луной, с солнцем, со звёздами. Природа сильнее нас, своих соринков, и мы никогда не сможем постичь всех её тайн, но пытаться разгадать их — это стремление останется в нас всегда, значит, будем всяк по-своему объяснять происхождение нашего мира. Шаманством надо заниматься всерьёз. То, что делаю я, — баловство. Надо иметь хороший шаманский костюм, бубен, это — половина дела. Особенно важен бубен. Музыка завораживает, действует на душу, разум... Для настоящего камлания нужно строить нымнгандяк — шаманский чум с изображениями духов и с изгородью — марыля, с шаманским мировым деревом. Нужны люди, помощники, которые вовремя подадут тебе нужную вещь, подпоют, это ведь целое представление, главное действующее лицо которого — шаман. Он — отчасти артист. У него есть свои актёрские тайны, но не такие, чтобы обманывать людей в главном. Мы не причиняем вреда людям, мы желаем им только добра. Крепим веру и души людей.

— Значит, наши бубны ещё будут гремять в тайге?

— Думаю, будут...

Я уходил, он вышел проводить. Коренастая фигура, крупная, лохматая седая голова. Вид внушительный. Именно такими представляются шаманы. Я пожалел, что у меня не было фотоаппарата.